# МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЛОКАЛЬНЫЕ ПОЛИТИКИ БОЛЬШОЙ НАУКИ: ЧЕЛОВЕК И СОЦИАЛЬНЫЕ ПОРЯДКИ ПРОИЗВОДСТВА ЗНАНИЯ В ПОЗДНЕМ СССР»

**Москва, ЦГИ РАНХиГС, 4–6 июля 2013 г.**

Конференция «Локальные политики большой науки», прошедшая в 2013 г., стала первым развернутым коллективным высказыванием о промежуточных результатах цикла исследований[1], реализуемых сначала Центром гуманитарных исследований, а затем Лабораторией историко-культурных исследований РАНХиГС (Москва) в наукограде Обнинске. Проблематика докладов дает представление о сюжетах, разрабатываемых междисциплинарной командой в ходе изучения историко-антропологического измерения большой советской науки и техники.

Конференция началась с панели «Управление наукой в СССР: масштабы и практики», в рамках которой обсуждались вопросы ведомственной и партийной политики в области науки и техники эпохи позднего социализма. В докладе **Галины Орловой** (ЦГИ РАНХиГС, Москва/Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону) «Наука в формате “Средмаш”: обнинский вариант» были обозначены последствия — эпистемологические и риторические — подчинения атомной науки Министерству среднего машиностроения. При этом министерство рассматривалось не столько как суперинституция в специфике ее функционирования, сколько как дискурсивная матрица («Средмаш»), ретроспективно и избирательно используемая историками, мемуаристами и информантами для указания на своеобразие научной жизни и работы советских ученых-атомщиков внутри ведомственных НИИ в 1950–1980-е годы (режимность, поисковый характер, научно-техническое напряжение, исключительный доступ к ресурсам, специфика мобилизации и т. д.). С опорой на полевой материал были проанализированы стратегии артикуляции и дезавуирования роли Средмаша в жизни обнинских институтов и их сотрудников. Комментируя доклад, *Алексей Ку-*

[1] Проекты под руководством А. Л. Зорина («Научно-техническая интеллигенция в историко-культурной перспективе: формирование среды, мировоззрения и трудовой этики», 2012 г., и «Идеология и практика технологического прорыва: люди и институции», 2013 г.) были выполнены в рамках научно-исследовательских работ РАНХиГС при поддержке Фонда Михаила Прохорова, администрации Калужской области и г. Обнинска.

Статья подготовлена в рамках научно-исследовательской работы, выполняемой на базе Лаборатории историко-культурных исследований ШАГИ РАНХиГС по темам «Оцифрованная наука: создание гуманитариями открытых исследовательских баз данных» (2014) и «Краудсорсинг в гуманитарных исследованиях: новые технологии и коммуникативные режимы производства знания в цифровую эпоху» (2015).

*приянов* (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» — НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) поставил непростой вопрос о том, как писать неклассическую историю советской атомной науки, не имея позитивистской канвы.

**Николай Митрохин** (Центр по изучению Восточной Европы при Бременском университете, Германия) в докладе «Аппарат ЦК КПСС в 1960–1980-е гг. и вопросы управления производством знания» сосредоточился на Отделе науки ЦК — главной структуре партийного управления знанием, через которую советские интеллектуалы и интеллигенты рекрутировались во власть. В ходе анализа кадрового состава Отдела особое внимание было уделено образовательному цензу, научным карьерам сотрудников, их амплуа (идеологические жрецы, профессиональные ученые, администраторы) и специфическому типу профессионализма. Характеризуя постоянных партнеров аппаратчиков в научных учреждениях, докладчик не только остановился на способах их вовлечения в работы по заданиям ЦК, но и показал, каким образом связи с аппаратом становились для научно-технических работников социальным и политическим капиталом. *Александр Дмитриев* (НИУ ВШЭ, Москва) в ходе обсуждения не поддержал ревизионистский пафос доклада, уклонившись от критики мифа о серости аппаратчиков и поиска сходств в управлении советской и западной наукой.

В докладе **Романа Хандожко** (ЦГИ РАНХиГС, Москва) «Локальное научно-техническое сообщество как объект партийного контроля: случай Обнинска» встреча КПСС и большой науки рассматривалась уже на локальном уровне — разбиралось дискурсивно-практическое устройство партийного надзора за профессиональной и общественной деятельностью сотрудников обнинских НИИ. Партийная жизнь Обнинска была показана в динамике — от неформатного, диффузного и автономного существования парторганизации секретной лаборатории через «оттепельные» формы партийной самодеятельности к формализации и укреплению власти горкома в городе ученых. Было зафиксировано возрастание роли партийных структур и отдельных агентов в установлении межинститутских связей и координации институтской науки. Предметом специального анализа стали личные стратегии участия в партийной жизни, выявленные на основе биографических интервью: (бес)партийность как капитал, партийная жизнь как интегратор сообщества и т. д. Специфика изучения партийной жизни на основе устных источников и правомерность сведе́ния многообразия форм партийного участия к контролю стали предметом для дискуссии.

В рамках секции «Политики пространства: научные города и инновационные кластеры» пространственное устройство научных центров обсуждалось в связи с программами развития науки и государственной политикой модернизации в целом. Открыл ее доклад **Петра Сафронова** (Институт философии РАН, Москва) «“Зеленый город”: обыденное восприятие Обнинска и архитектурная история СССР», в котором планировка Обнинска и городские практики научного сообщества рассматривались

сквозь призму истории советского градостроительства. Для докладчика, который увидел сходство атомных городов с градостроительными идеями конца 1920-х годов, Обнинск — это случай неудачного воплощения в жизнь утопии «города-сада», материализация разобщенности и демодернизации, конгломерат территорий и институтов, где создание посредством озеленения искусственного впечатления единого города обнаруживает стратегическое сходство с политикой искусственной концентрации институтов. Дискутант *Олег Лейбович* (Пермская государственная академия искусства и культуры) предложил свою интерпретацию роли озеленения в «оттепельном» городе и задал направления дискуссии, сосредоточившейся на генеалогии «зеленого города» в советском послевоенном градостроительстве и на специфике создания жилой среды советских промышленных городов, вторичной по отношению к градообразующим объектам.

Тема противоречий советской модернизации получила продолжение в докладе **Александры Касаткиной** (Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург) «Дачный участок как пространство свободного экспериментирования». Массовая раздача городскому населению садовых участков в послевоенном СССР, которая иногда трактуется как рурализация, в Обнинске с его концентраций научно-технических работников имела свою специфику. Обеспечение продовольствием было лишь одной из функций садов, превратившихся в пространства личного творчества и субъектификации. *Елена Кочухова* (Уральский федеральный университет, Екатеринбург) поддержала стремление докладчицы выявить конфликты советского антропологического проекта в историях дачной жизни обнинцев и открыла дискуссию, в ходе которой обсуждались, во-первых, структура удовольствия дачника, сочетающая советскую риторику бескорыстного энтузиазма с ощущением личной автономии; во-вторых, осмысление дачных практик научно-техническими специалистами; в-третьих, устройство дачной повседневности и организация управления садовыми обществами.

**Роман Абрамов** (НИУ ВШЭ, Москва) в докладе «Советская вычислительная техника и микроэлектроника: хроника взлета и упадка инновационной индустрии на примере “пензенского кластера”» представил три способа конструирования истории компьютерной индустрии в СССР: пензенский краеведческий нарратив, построенный на инвентаризации имен героев и названий разработок; регрессивный нарратив участников событий, вспоминающих о том, как творческий подъем 1950–1960-х годов сменяется рутиной, бюрократизацией и падением культуры труда и технологии в 1970–1980-е; метанарратив об «упущенном шансе», в котором упадок отрасли связывается с переходом к стратегии догоняющего развития в области компьютерной техники. Участники обсуждения, начатого *Алексеем Куприяновым*, указали на идеологические отличия советского компьютерного проекта от атомного, технологическая уникальность которого декларировалась несмотря на многочисленные заимствования.

**Имоджен Уэйд** (Университетский колледж, Лондон, Великобритания) в докладе «Наукограды и научные кластеры в России 2000-х: сравнительный институциональный анализ Обнинска, Академгородка и Сколково» продолжила критику искусственно изолированных анклавов как формы организации науки. При помощи теорий инновационной системы она сопоставила три случая изоляции науки в зонах особого благоприятствования. Самым изолированным оказалось Сколково, изначально ориентированное на связи с бизнесом и мировым сообществом. А наиболее встроенным в российские и международные связи — Обнинск, история которого началась с секретной лаборатории. Докладчица увидела отличие современного иннограда от советских научных центров, действовавших на основе госзаказа, в отсутствии потребителя инноваций. Дискутант *Юлия Лайус* (НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург) предложила сосредоточиться на различиях между тремя рассмотренными в докладе случаями. А в ходе обсуждения подверглась критике сама возможность сравнения научных центров, столь различающихся форматом создания и функционирования анклавов.

Второй день конференции открыла социально-антропологическая секция «Сообщества инженеров и ученых». **Олег Лейбович** в докладе «Жизненные миры советских инженеров (Норильский вариант)», переосмысляя результаты социологического исследования 1970–1980-х годов, воссоздал структуру трудовых и жизненных ценностей инженерно-технических сотрудников Норильского горно-обогатительного комбината, занятых на конструкторской и исследовательской работе. В основе реконструкции лежит предположение о том, что эти рабочие места предназначались скорее для решения социальных задач — обеспечивали занятость жен работников комбината. Ядро их жизненного мира составляли ориентации на личную жизнь и материальную обеспеченность, удовлетворенность работой зависела от взаимоотношений в коллективе, а производственная сфера фактически была приватизирована. *Юлия Лайус* указала на перспективу осмысления материала доклада в терминах локального/космополитанного, проинтерпретировав ценности инженеров-исследователей Норильска как пример концентрированного выражения локальной идентичности.

Доклад **Гизелы Эрбслоэ** (независимый исследователь, Германия) «“Обнинские немцы”: опыт разных поколений и сообщество» был посвящен начальному этапу существования ядерного Объекта «В», созданного для размещения и работы немецких специалистов. На основании мемуаров, дневниковых записей и интервью были охарактеризованы источники напряженности в жизни немецкой общины: неопределенность положения и срока пребывания на территории СССР, необходимость преодолеть травмы войны для взаимодействия с советскими коллегами, нарастающие ограничения свободы переписки и передвижения, навязывание анонимности и изоляция. В сложившихся условиях, полагает Эрбслоэ, развитие трудовых отношений, умножение форм досуга и самообразования стали главными способами выживания со-

общества. *Ревекка Гаврилова* (Музей истории города Обнинска) поддержала тему ограничений, вводимых для советских и иностранных работников секретного Объекта «В».

Завершал секцию доклад **Елены Кочуховой** «Геофизическая служба РАН в Обнинске: конституирование истории», посвященный представлениям сотрудников одного из обнинских НИИ о прошлом и предназначении своей организации. Докладчица отметила, что обнинские геофизики систематически не проговаривают свою связь с атомным проектом, тогда как своевременное и точное информирование о сильных землетрясениях опознается ими в качестве главной миссии Службы на всех этапах ее существования. При этом мониторинг подземных взрывов и участие в международной системе контроля над ядерными испытаниями отходят на второй план. Открытость международным контактам подается как значимое отличие Геофизической службы от вечно закрытых ядерных НИИ Обнинска. Комментируя выступление, *Галина Орлова* поставила вопрос о соотношении видимого и невидимого в работе Службы и о дискурсивных механизмах создания образа открытой организации.

Секция «Модусы творческого труда: наука, техника и рыночные отношения» открылась докладом **Зинаиды Васильевой** (Европейский университет в Санкт Петербурге / РАНХиГС) «Мне хотелось что-то делать, а не открывать новые миры": инженер в городе науки». В обнинском корпусе бесед с инженерами не много, но они вскрывают двоякое положение ИТР в «городе науки». Находясь в неопределенной зоне институтских иерархий, инженер оказывается статистом научной сцены, обслуживающим нужды Науки на уровне Техники, часто неудовлетворенным своим положением и профессионально травмированным. Однако ограниченность карьерного роста может оказаться залогом автономии: не претендуя на должности и звания, такой инженер-трикстер развивается по горизонтали, прорабатывая ходы, не предусмотренные системой. Таким трикстером является, например, особый тип инженера-изобретателя, ориентированного на реализацию личных проектов и производство себя в мире через материальные объекты. Дискутант *Юлия Лайус* поддержала дальнейшую проблематизацию спектра инженерных ролей внутри НИИ и исследование положения инженера-изобретателя, отчужденного в СССР от собственного изобретения и исключенного из сетей, обеспечивающих его продвижение.

В сообщении **Галины Орловой** «Бригадир как профессор: дискурсивный диспозитив коммунистического труда» на примере случая бригадира комплексной бригады одного из обнинских НИИ разбиралось освоение и присвоение идеальным советским рабочим официального дискурса о труде. Особое внимание было уделено тому, как информант характеризует место высококвалифицированного рабочего в передовой средмашевской науке и использует «язык плаката» для нейтрализации границы между умственным и физическим трудом. Помещая особенности речевых и социальных практик информанта в контекст дискуссии о советской субъективности,

Орлова подчеркнула, что анализируемый случай доказывает возможность освоения большого идеологического дискурса коммунистического труда в качестве интимного. В комментарии к докладу *Андрей Зорин* (Оксфордский университет, Великобритания / РАНХиГС, Москва) отметил, что такое дискурсивное поведение нельзя считать признаком советской субъективности именно потому, что оно проявляется лишь в определенных ситуациях, сопоставимых с мистическим опытом освоения слова.

В докладе «Научная интеллигенция: от долга службы к оказанию услуг (на примере траекторий выпускников МФТИ)» **Ольга Ярцева** (независимый исследователь, Париж) рассказала о результатах исследования выпускников элитных технических вузов, которые в эпоху Перестройки предпочли науке бизнес и вошли в когорту первых российских предпринимателей. Ярцева подчеркнула значение культуры шестидесятничества для этого поколения: связанные с ней родовой пуповиной, НТРовцы 1980-х сознательно отвергли проект «оттепели». Такой выбор нередко означал конфликт поколений и отказ от ценностей советской научной элиты. Докладчица указала на колоссальный предпринимательский потенциал позднесоветского научно-технического сообщества, реализованный в 1990-е. В дискуссии *Наталья Никифорова* (Санкт-Петербургский национальный исследовательский университет информационных технологий, механики и оптики) интерпретировала отказ от идеологии «оттепели» из перспективы значимости универсализма и профессионализма для ученого-предпринимателя: ценность универсальной образованности была противопоставлена «занятию делом», эффективность которого измеряется прибылью. *Илья Кукулин* (НИУ ВШЭ, Москва) заметил, что общий стиль поведения и преподавания в Физтехе воспитывал в студентах выраженную достижительскую мотивацию, столь редкую для советского образования.

Секцию завершил доклад **Тимура Атнашева** (РАНХиГС, Москва) «Трудовая этика обнинских ученых и современный менеджмент творческого труда», в котором для осмысления советской атомной науки и техники использовались теории оптимальных институциональных сред, центрированные на вопросах стимулирования к интеллектуальному труду и эффективной постановке задач. Отмечая, что в обнинских интервью интерес и радость составляют ядро мотивации труда ученых, Атнашев указал на стратегическое сходство этих дискурсивных моделей с современным менеджментом мотивации в ведущих мировых корпорациях. По мнению докладчика, удовольствие от личной вовлеченности в большое дело плюс возможность учиться и наслаждаться мастерством в повседневном труде сформировали устойчивый паттерн, который продолжает действовать на субъективном уровне и в постсоветскую эпоху, когда сама институциональная среда продемонстрировала свою неэффективность. В комментарии к докладу *Роман Абрамов* (НИУ ВШЭ, Москва) обратил внимание на обширное наследие советской управленческой науки, нацеленной на преодоление отчуждения труда.

Третий, заключительный день конференции открылся секцией «Культурные коды “Большой науки”». В докладе «Наука как война. Риторическое клише и автоконцепция исследователя» **Андрей Зорин** проанализировал сравнение научного исследования с боевыми действиями, постоянно встречающееся как в кинематографе и художественной литературе тех лет, так и в воспоминаниях и интервью самих ученых. По мнению докладчика, это сравнение не было чисто риторическим или даже пропагандистским приемом, но представляло собой стержень идентичности ученого-ядерщика и было основано на уникальной констелляции четырех факторов: воспоминаний о войне, стратегической роли физиков-ядерщиков в противостоянии двух систем, радиационных рисков и представлений о научном прогрессе как передовой линии наступления на темную и опасную сферу непознанного. Параллель между передним краем науки и линией фронта не только повышла статус и самооценку исследователя, но и помогала заново пережить в специфических условиях советского закрытого города чувство смертельной свободы и ответственности. В комментариях к докладу *Илья Кукулин* отметил популярность военной метафорики в советском дискурсе тех лет в целом, а *Галина Орлова* уточнила воображаемую военную специальность обнинских физиков («разведчики»).

**Виктория Донован** (Сент-Эндрюсский университет, Шотландия) в докладе «Дискуссия о “физиках и лириках”: эволюция идеала научного достижения в советской культуре 1960-х годов» поместила известную дискуссию в контекст трансформации идеального образа ученого. Если ранее и идеологически, и институционально в центре советской науки находился прикладник, помогающий народному хозяйству, то в начале 1960-х героем дня становится фундаментальный ученый, романтически преданный самой идее научного поиска. Существовал в дискуссии и гендерный аспект: «лирика» воспринималась как своего рода женское начало, смягчающее сугубую маскулинность «физики». Вместе с тем сторонники дисциплинарной профессионализации также активно высказывались в ходе дискуссии — докладчица обратила внимание на фигуру инженера Полетаева, выступившего в защиту «физиков» против поддержавшего «лириков» И. Г. Эренбурга. В ходе обсуждения доклада *Ольга Ярцева* указала на международный контекст этих дискуссий, а *Илья Кукулин* представил биографические данные о загадочном инженере Полетаеве.

Тема гуманитарных интересов «физиков» была продолжена в докладе **Натальи Никифоровой** «Досуговые практики в профессиональной жизни научной интеллигенции Обнинска 1950х–1960х гг.: “субботние трёпы”, веселая наука и энциклопедизм», в котором обсуждались неформальные семинары и встречи обнинских исследователей. Особое место было уделено кружковому юмору, проявившемуся и в кухонных посиделках, и в полуинституционализированном неформальном общении, и в знаменитом КВН Обнинск — Дубна. По мнению докладчицы, эти данные иллюстрируют понимание свободного интеллектуального досуга ученых как новых

форм творческой самоорганизации интеллигенции, синтезирующих различные области знания. Творческий досуг ученых-физиков позволяет осмыслить научный юмор, смеховую культуру как неотъемлемую часть функционирования научного сообщества, своего рода фирменный знак. Традиции ученого веселья, сложившиеся в 1930-е годы, в 1950–1960-е получили новый импульс в условиях коллективного интеллектуального труда.

Завершила конференцию секция «Воображаемые миры научной интеллигенции: фантастика, утопия, философия», посвященная альтернативным формам интеллектуальной самореализации научно-технических работников. **Илья Кукулин** в докладе «Периодика для ИТР: советские научно-популярные журналы и программирование интересов позднесоветской научно-технической интеллигенции» рассказал о влиянии журналов «Наука и жизнь», «Химия и жизнь», «Техника — молодежи» и др. на жизненные миры ученых и инженеров послесталинского СССР. Особое внимание было уделено фантастическим произведениям, которые в период «оттепели» появились на страницах научно-популярных журналов, а в 1970-е были вытеснены оттуда статьями о русской истории. Советская научная фантастика формировала образ будущего устройства человека и общества, где главной действующей силой является наука, а главным действующим лицом — ученый. Произведения этого развлекательного жанра претендовали на постановку центральных для своего времени интеллектуальных и политических задач, тем самым нарушая иерархию жанров. *Александр Дмитриев* предложил социологическую линию развития темы — обращение к циклу производства научно-популярных журналов и редакционных политик, к анализу аудитории и к реакции советских медиа на информационную революцию.

В докладе **Бориса Степанова** (НИУ ВШЭ, Москва) «Наука и технология в дискурсе регионального интеллектуального сообщества» речь шла о горьковском/нижегородском философском клубе «Универсум», с 1980-х годов действующем в качестве регионального центра самодеятельной мысли, где представители естественных и точных наук оттачивают свое понимание философских и гуманитарных проблем. Используя материалы ежегодных конференций клуба за 1986–2001 гг., докладчик реконструировал основные элементы мировоззренческой концепции этого интеллектуального сообщества: перспектива целостного знания; оптимистический взгляд на управляемую эволюцию; элементы марксистской и националистической традиций. В своем отзыве на доклад *Аркадий Липкин* (МФТИ, Москва) отметил особую роль клубов научно-технической интеллигенции в производстве гуманитарной культуры в послевоенном СССР. В ходе дискуссии обсуждался вопрос о переходах между «нормальной» гуманитарной наукой и ее экзотическими перерождениями.

В докладе **Романа Хандожко** «Инженер и ученый в поисках новых тотальностей: религиозно-философский синтез в контексте позднесоветского сциентизма» также рассматривались практики интеллектуального и духовного творчества в среде советской научно-технической интеллигенции.

Докладчика интересовало, каким образом в условиях Обнинска формировалось мировоззрение ученых и создавались устойчивые группы по передаче «альтернативного» знания (круг последователей В. Ф. Турчина, методологическое движение Г. П. Щедровицкого, группы йоги и нетрадиционной медицины). Расцвет неофициальной философии в среде научно-технической интеллигенции, по мнению докладчика, был связан с кризисом доверия к государственной идеологии и ограничениями религиозной жизни в позднесоветском обществе. В своем комментарии *Петр Сафронов* отметил, что в рамках этих практик была предпринята попытка создания альтернативного проекта субъекта, принципиальной чертой которого было переживание любого рационального или аффективного акта как коллективного действия.

На круглом столе, которым завершилась конференция, обсуждались вопросы эмпирического изучения большой советской науки в условиях ограниченного доступа к архивам, а также перспективы использования обнинского материала для понимания своеобразия и способов оптимизации российской научной политики.

## International conference "The local politics of big science: The human being and social orders of knowledge production in the late USSR"

**Kasatkina, Aleksandra K.**
*Junior Researcher, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS*
*Russia, 199034, St Petersburg, Universitetskaya emb., 3*
*Tel.: +7 (812) 328-14-12*
*E-mail: alexkasatkina@gmail.com*

**Khandozhko, Roman I.**
*PhD (Candidate of Science in History)*
*Researcher, Laboratory of Historical and Cultural Studies, School of Advanced Studies in the Humanities, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*
*Russia, 119571, Moscow, Vernadskiy av., 82.*
*Tel.: +7 (499) 956-96-47*
*E-mail: ro.khan.man@gmail.com*

**Kochukhova, Elena S.**
*PhD (Candidate of Science in Philosophy)*
*Associate Professor, Ural State University of Economics*
*Russia, 620144, Ekaterinburg, March 8 str., 62*
*Tel.: +7 (343) 221-27-11*
*E-mail: elenascause@yandex.ru*

**Vasilyeva, Zinaida S.**
*PhD Candidate, Institute of Ethnology, University of Neuchatel*
*St. Nicolas 4 Neuchatel 2000 Switzerland*
*E-mail: zvasilyeva@gmail.com*

**Zorin, Andrei L.**
*Doctor of Philology*
*Professor, University of Oxford, Faculty of Modern Languages*
*47 Wellington sq. Oxford OX1 2 JD, UK*
*Tel.: + 44 (0)1865 270484*
*Professor, Moscow School of Social and Economic Sciences*
*Russia, 119571, Moscow, pr-t Vernadskogo, 82*
*Tel.: +7 (499) 956-96-47*
*E-mail: andrei.zorin@mod-langs.ox.ac.uk*

***Abstract*:** This is a review of the conference "The local politics of big science: The human being and social orders of knowledge production in the late USSR" that was held at the School of Advanced Studies in the Humanities, RANEPA, on July 4–6, 2013. Issues regarding the political, social, cultural and intellectual functioning of Soviet versions of Big Science were discussed.

Vasilyeva, Z. S., Zorin, A. L., Kasatkina, A. K., Kochukhova, E. S., Khandozhko, R. I. (2016). International conference "The local politics of big science: The human being and social orders of knowledge production in the late USSR". *Shagi / Steps, 2*(1), 246–256